

За мгновение до того, как она успела среагировать, взбесившаяся лошадь ворвалась в лапшичную, превратив всё вокруг в хаос. Янь Лян не успела увернуться, и когда лошадь умчалась прочь, она уже лежала, плашмя прижавшись к столешнице, — пострадала больше всех.

Её тело ещё не было закалено должным образом, чтобы выдерживать такие испытания. С болью Янь Лян сползла на пол. Спина угодила на край стола — ещё куда ни шло, а вот плечо пришлось прямо на угол. С трудом осмотрев себя, она увидела, как алая кровь стекает с плеча, достигая запястья и кончиков пальцев, чтобы затем растектись по полу извилистым ручейком.

Янь Лян...

В глубине её глаз вспыхнул едва заметный алый отблеск.

Из самого нутра поднялась ярость. Ей захотелось убить ту лошадь, убить того, кто её спровоцировал, убить всё живое в этой лапшичной!

Весь этот городок так раздражал, что так и подмывало смыть его кровью!

— Девочка...

Внезапно её запястье, всё ещё сочащееся кровью, коснулась прохладная рука. В уши прокрался спокойный, чуть холодноватый голос.

Янь Лян уловила лёгкий горьковатый аромат — такой бывает только у того, кто долгие годы имел дело с травами.

На мгновение ей показалось, будто она во сне.

Такой сон... сон, в котором она снова видит сестрицу Мянью... Такой прекрасный сон, и ей всё ещё посчастливилось его увидеть?

Алый цвет в её глазах, словно капля туши в воде, закружился, спутался — и исчез без следа.

Она подняла взгляд и увидела лицо, которое знала как свои пять пальцев.

— Му Цинмянь.

Перед ней стояла девушка лет семнадцати-восемнадцати, с тонкими, изящными чертами, во всём облике сквозила отстранённость, словно она парила над мирской суетой. На ней было простое платье пастельных тонов, чёрные волосы мягко ниспадали на плечи, и лишь небольшая их часть была собрана на затылке старинного вида деревянной шпилькой.

Янь Лян была уверена.

Это была Му Цинмянь.

Та самая Божественная лекарь Лазурной Шпильки, чьё имя пока ещё не гремело по всему свету.

Му Цинмянь взяла Янь Лян за запястье, чтобы нащупать пульс, её тонкие брови слегка сдвинулись.

В последнее время Му Цинмянь странствовала, занимаясь врачеванием, и в тот день как раз

добралась до Городка Абрикосового Цвета, где и стала свидетельницей происшествия. Лошадь, причинившая вред, сбежала от торговца; Му Цинмянь, не владея боевыми искусствами, не могла её остановить, но успела вовремя подойти к пострадавшим.

Янь Лян пострадала больше всех, поэтому лекарь первой обратила внимание именно на неё. Нынешние возможности Янь Лян были ограничены, и в одежде она намеренно не старалась, поэтому в глазах Му Цинмянь предстала запылённой, худенькой девочкой в слегка потрёпанном платъице.

Таких детей — и мальчиков, и девочек — Му Цинмянь повидала немало: все они были несчастными созданиями, вынужденными в это смутное время бежать из родных мест. Лекарь уже было собралась вздохнуть и приступить к осмотру, но никак не ожидала, что пульс у девочки окажется... таким.

Всё её тело будто состояло из застарелых хворей: врождённая слабость, наложившаяся на множество приобретённых травм, которые никогда как следует не лечились и не залечивались!

Если не считать того, что мать девочки ещё во время беременности перенесла тяжёлый удар, а сама Янь Лян с самого рождения подвергалась нечеловеческим мучениям, Му Цинмянь не могла и предположить, что ещё могло привести к столь ужасному состоянию.

Му Цинмянь удивило не то, откуда у Янь Лян такие травмы — в это смутное время человеческое зло не знает границ. Её поразило другое: имея на своём счету такие раны, Янь Лян не просто дожила до сегодняшнего дня, но ещё и сумела добраться до лапшичной, чтобы купить себе еды!

Если бы Му Цинмянь сама не нащупала её пульс, она бы решила, что перед ней просто дитя, выросшее в нужде, и ни за что не догадалась бы, что под этой внешностью скрывается столь тяжкое бремя.

Будь такие травмы у обычного человека, их хватило бы, чтобы на месте отправить на тот свет с десяток крепких мужчин.

Выносливость и жизнестойкость этой девочки... и впрямь вызывали глубочайшее уважение.

Сосредоточившись на ранах Янь Лян, Му Цинмянь не успела заметить то бурление яростной кровавой энергии в меридианах, что вспыхнуло и погасло в тот миг, когда девочка увидела её.

В прошлой жизни Янь Лян долгие годы практиковала кровавые техники, и её тело и дух пропитались их злобной сущностью. Даже в этой жизни, где ей пока не довелось пережить предательство и её не принуждали принять наследие кровавых искусств, то, что въелось в самую кость, искоренить было нелегко.

Весь мир знал, что Демоница в кровавых одеждах не выносила вида собственной крови.

При виде неё её охватывало безумие, и она стремилась превратить всё живое вокруг в кровавое месиво. Столкнувшись с ней в таком состоянии, бесполезно было даже пытаться сопротивляться — стоило замешкаться на мгновение, и ты уже становился кровавым следом под её ногами.

Но мир не знал, что это безумие Демоницы в кровавых одеждах не было беспросветным.

Пока была жива Му Цинмянь.

Пока Му Цинмянь находилась рядом с Янь Лян, Демоница сохраняла в себе проблеск ясности.

Этого проблеска было достаточно, чтобы Янь Лян смогла вернуться к сознанию из пучины неконтролируемого бешенства.

Придя в себя, Янь Лян наконец осознала: это не сон. Она воочию видела Му Цинмянь.

Му Цинмянь держала её за запястье; её тонкая рука была чуть прохладнее обычного, но всё же тёплой. Янь Лян чувствовала подушечки её пальцев, покрытые тонким слоем мозолей.

Столько времени прошло с момента её возрождения, и лишь сейчас Янь Лян по-настоящему ощутила, что она жива.

Всё, что ей было нужно, — это видеть Му Цинмянь перед собой, живую и настоящую.

Тело Янь Лян внезапно обмякло, веки сомкнулись.

Капля влаги, навернувшаяся на глаза, скатилась по щеке.

Му Цинмянь поспешно подхватила её голову, чтобы та не ударилась о дерево стола.

Эта девочка, должно быть, от природы была очень слаба, а теперь, потеряв много крови, и вовсе лишилась чувств. Му Цинмянь взглянула на почти высохшую кровь у руки Янь Лян, уже начинавшую темнеть, и, немного помедлив, взяла худенькое тельце на руки.

Без своевременной помощи девочка наверняка бы не выжила. Раз уж ей хватило стойкости дожить до этого дня, Му Цинмянь не хотела, чтобы она погибла здесь.

В горах под Городком Абрикосового Цвета стоял заброшенный домик, где Му Цинмянь временно обосновалась.

Принеся Янь Лян туда, она быстро обработала ей внешние раны и принялась готовить лекарство. Судя по опыту Му Цинмянь, девочке предстояло пролежать без сознания как минимум несколько дней, прежде чем она придёт в себя.

Однако, когда лекарство было готово, лекарь обернулась и увидела, что девочка на кровати неподвижно смотрит на неё, а в её глазах, проглядывающих сквозь растрёпанные волосы, пылал яркий, живой свет.

Му Цинмянь...

Так быстро восстановилась?

Она уже приготовилась кормить Янь Лян лекарством, пока та будет без сознания, но раз девочка очнулась, дело упросталось. Му Цинмянь налила снадобье в пиалу и подошла к кровати.

Взгляд девочки был странным, но в нём не читалось и тени зла. Му Цинмянь не стала раздумывать, предположив, что Янь Лян понимает, кто её спас, и спросила:

— Сама сможешь выпить лекарство?

Янь Лян, конечно же, могла.

Мало того — она могла не только выпить лекарство, но и спрыгнуть с кровати, чтобы броситься Му Цинмянь в объятия.

Причина её обморока, как определила Му Цинмянь, лишь отчасти крылась в физическом состоянии. Главным было то, что нервы её были натянуты слишком долго, и, наконец увидев того, о ком она так тосковала, она полностью расслабилась, и тело не выдержало.

Но... Янь Лян не собиралась говорить правду.

Она лежала на кровати, лицо её было смертельно бледным. Она попыталась приподняться, но брови её сдвинулись: сил не хватало.

<http://bllate.org/book/16273/1464977>